

Секция 3 СВОИ И ЧУЖИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

16 мая 2014 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. Б. КУДЕЛИН директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- В. А. ТИШКОВ академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

С. Р. Абрамов¹

ЛОГОС И НЕБЫТИЕ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ВОЗМОЖНОМУ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ ТОЛКОВАНИЮ

Известная дихотомия «свой–чужой» в своих различных ипостасях была предметом многочисленных научных штудий и объектом различных религиозных синтезов, включая (из известнейших и поздних) психоаналитику эроса и танатоса у Фрейда и «я» и «чужого» у Лакана, Бытие и Ничто у Сартра или, к примеру, антиномию животворящего логоса и «немого» космоса в христианском богословском дискурсе.

Предмет данного доклада — лингвокультурологический аспект этой извечной дихотомии, отмеченный в предложенных Хайдеггером терминах «язык» и «смерть»², где язык (поэт) = Я, Свой, Бытие, эрос, Логос и прочее в иных герменевтиках, а смерть = Оно, Чужой, Ничто, танатос, хаос и пр.

В эссе о природе языка М. Хайдеггер пишет:

“Die Sterblichen sind jene, die den Tod als Tod erfahren können. Das Tier vermag dies nicht. Das Tier kann aber auch nicht sprechen. Das Wesensverhältnis zwischen Tod und Sprache blitzt auf, ist aber noch ungedacht. Es kann uns jedoch einen Wink geben in die Weise, wie das Wesen der Sprache uns zu sich belangt und so bei sich verhält, für den Fall, daß der Tod mit dem zusammengehört, was uns belangt” [1, с. 215]³.

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Филологическая герменевтика: очерк истории и теории», «История филологической герменевтики и толкование сакрального и поэтического текста», статей «Казус Филона Александрийского: встреча иудейской и эллинистической традиций», «Язык и смерть», «Вещь в кривом зеркале рекламы», «Искусство во тьме тщеславия», «Христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности» и др.

² Жан Кокто в своих кинематографических шедеврах представил эту же оппозицию в виде Орфея (Поэта) и Смерти.

³ «Смертные суть те, кто могут изведать смерть как смерть. Зверю этого не постичь. Но зверь ведь и говорить не может. Сущностная связь между смертью и языком молнией вспыхивает

Итак: «Сущностная связь между смертью и языком молнией вспыхивает в нашем понимании, но остается теоретически не продуманной». Действительно, в проблеме «языкового бытия», поставленной Хайдеггером, связь между языком и иными экзистенциальными ситуациями получила, кажется, довольно основательный анализ в целом ряде специальных зарубежных исследований⁴; однако до сих пор остается неизученным этот важный аспект — связь между языком и смертью. Хайдеггер полагал, что ничто так не беспокоит и не влечет человеческий разум, как проблема языка и проблема смерти. И в этом отношении он следует столбовой дорогой западной традиции, всегда определявшей человека как *говорящего* и как *смертного*. Человек в западной философии обладает способностью к языку (*zoon logon echon*, по Пармениду [2, с. 114]) и «способностью» к смерти (*Fähigkeit des Todes*, словами Гегеля [3, с. 198]). Столь же определенно и неразрывно эти две сущности раскрываются в христианской традиции: *αἰὲν ἡμεῖς οἱ ζῶντες εἰς θάνατον παραδίδομεθα διὰ Ἰησοῦν* [II Cor. 4: 11] — «Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса». «Живыми» в терминах апостола Павла наряду с привычным словарным смыслом именовались христиане (они же «верные») как причастные жизни вечной; Иисус же, как известно, именуется всюду Бог-Слово

ет в нашем понимании, но остается теоретически не продуманной. Однако она манит нас тем же, чем и сущность языка притягивает к себе наше внимание: своей неразрывной с нами связью, так и тем, что смерть с нами неразрывно слита» (перевод мой. — С. А.).

⁴ Связь языка и болезни (особенно психической) — в целом ряде работ Р. Якобсона [4], языка и эроса (сексуальности) — в том числе среди новейших у Д. Камерон и Д. Кулика [5], языка и табу — М. Уиллсон [6] и пр., не говоря уж о бесчисленных анализах гендера [7; 8; 9].

(Божественный Логос) в качестве второй ипостаси Пресвятой Троицы. Более того, сама вера, по апостолу Павлу, открывает способность к языку: *καὶ πιστεύομεν Δίῳ καὶ λαλοῦμεν* [I Cor. 4: 13] — «мы веруем, потому и говорим», и наделяет нас особой — *собственно человеческой* — сущностью «как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих» (*ὡς ὑπηρετὰς Χριστοῦ καὶ οἰκονόμους μυστηρίων θεοῦ*) [I Cor. 4: 1]

Лишь человеку ведом язык и ведома смерть. Но может ли связь между двумя этими сущностными «способностями», всегда разумеющаяся сама собою, но прежде не бывшая предметом научной рефлексии, оставаться таковою и впредь? Или же пределы лингвофилософского анализа достаточно раздвинуты нашей эпохой, чтобы вместить и эту экзистенциальную проблему? «И что было бы, если бы человечество не было ни говорящим, ни смертным, но продолжало бы говорить и умирать?» — задается вопросом Дж. Агамбен в своей книге «Место отрицания» [10]. Какова связь между этими двумя определениями? Выражают ли они в разных словах одну и ту же сущность?

По-видимому, связь между языком и смертью действительно следует устанавливать посредством анализа места отрицания, через разрешение самой проблемы отрицания (ибо лингвистически отрицание и есть эквивалент смерти). И способность к языку, и «способность» к смерти, поскольку обе они конституируют наиболее подходящее человеку место обитания (язык как дом бытия, пользуясь известной метафорой Хайдеггера) и это место отделяют, отграничивают от прочего, тем самым они (эти способности) раскрывают это место как растворенное и укорененное в отрицании. Поскольку человек говорит и человек смертен, он, по словам Гегеля, есть отрицательное существо, которое «есть то, что не есть, и не то, что есть» или, словами Хайдеггера, «вместилище (*Platzhalter*) Ничто». И сама сущность хайдеггеровской «сиюбытности» (перевод знаменитого термина *Dasein*, предложенный Н. О. Гучинской [2]) есть «бытие-в-мире» как «бытие-к-смерти» [11, с. 53].

Вопрос об отношении языка и смерти как существенных детерминант человека может быть поставлен философией языка как вопрос о сущности отрицания, о его грамматике, семантике и прагматике, о его социолингвистическом и психолингвистическом статусе. Однако отрицание наряду с лингвистикой есть предмет логики и метафизики, тем самым путь аналитики отрицания — это и путь критики онтологической традиции. Однако всякая критика онтологической традиции в западной философии невозможна без критики этической традиции. Логика и онтология покоятся на едином отрицательном фун-

даменте, и на горизонте метафизики они неразличимы. Если вспомнить программу немецкого идеализма, то в будущем всякая метафизика сольется («обрушится») в единую этическую систему. Сам смысл этого ожидаемого «коллапса» остается неясным: быть может, это как раз тот коллапс, который мы наблюдаем ныне? То пришествие *нигилизма*, преодолеть который не в состоянии ни современная мысль, ни практика (политика)? Та «смерть языка», о которой говорил Д. Кристал? [12] Тот «апофеоз беспочвенности», о котором нас предостерегали?

С другой стороны, если секулярный философский анализ не вселяет радостных надежд, то лингвистический, наоборот, подтверждает статус отрицания как «существования безосновательного» (*Grundlose* Гегеля) на отрицательном основании (*on negative ground*, по Дж. Агамбену) и тем самым возвращает нас к старой истине онтотеологии, к ее мистическому апофатическому методу категоризации. И поскольку мистическое богопознание осуществляется апофатически, то есть Бог может быть понят лишь в отрицательных терминах, постольку и смерть (как и ее лингвистический двойник — «отрицание») есть апофатическое определение человека (а язык — его катафатическое определение), и значит — парадоксально: «смерти нет» (вслед за апостолом Павлом: *που σου θάνατε το κέντρον που σου αδη το νικος* — «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?») [I Cor. 15: 55]).

Литература

1. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache / M. Heidegger. — Pfullingen, 1967.
2. Хайдеггер М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер; пер. с нем. Н. О. Гучинской. — СПб., 1998.
3. Hegel G. F. W. Werke in zwanzig Bänden. 3. Band: Phänomenologie des Geistes / G. F. W. Hegel. — Frankfurt a/M, 1971.
4. Jakobson R. Selected Writings / R. Jakobson. — The Hague; P.: Mouton De Gruyter, 1982.
5. Cameron D. Language and Sexuality / D. Cameron, D. Kulick. — Cambridge, 2002.
6. Willson M. Taboo / M. Willson. — Cambridge, 1995.
7. Coates J. Language and Gender: A Reader / J. Coates. — Berkeley, 1998.
8. Andersen M. L. Race, Class, and Gender: An Anthology / M. L. Andersen, P. H. Collins. — N. Y., 2006.
9. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity (Routledge Classics) / J. Butler. — L., 2006.
10. Agamben G. The Place of Negativity / G. Agamben. — University of Minnesota Press, 1980.
11. Heidegger M. Sein und Zeit / M. Heidegger. — Tübingen, 1972 [1. Aufgabe: Halle, 1927].
12. Crystal D. Language Death / D. Crystal. — Cambridge, 2002.